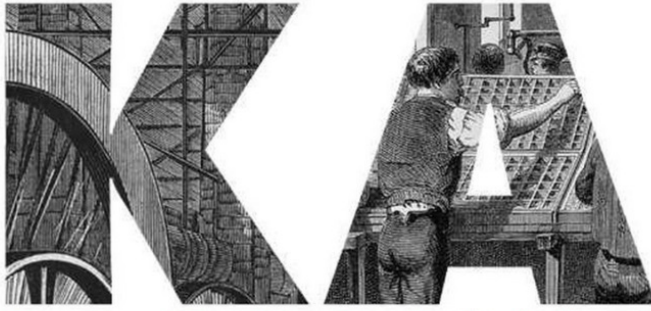

Райнер

ЦИТЕЛЬМАНН

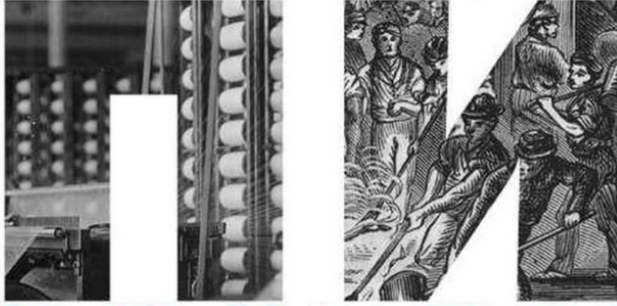
Х

Т

РАЗВЕНЧАНИЕ

М

Ц

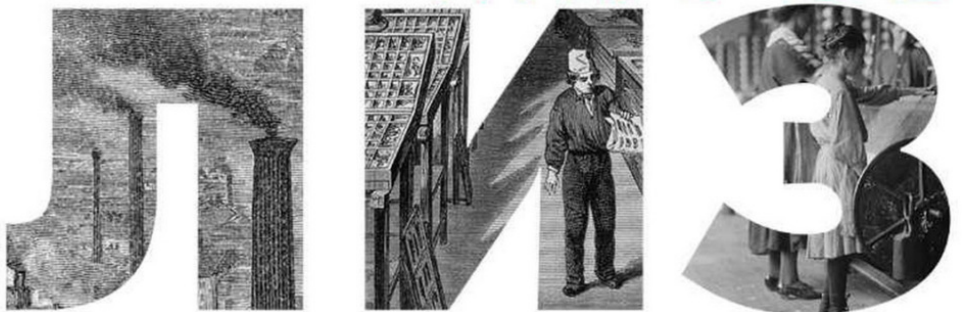
ПОПУЛЯРНЫХ

А

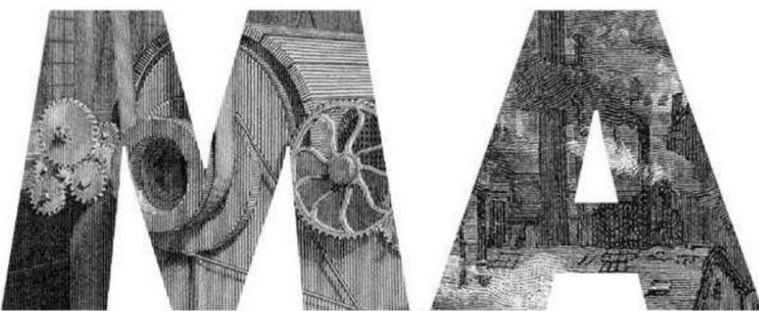

МИФОВ

З

В

Райнер Цительманн

**В защиту капитализма.
Развенчание популярных мифов**

«Интермедиатор»

2022

УДК 330.342.14:303.425.6
ББК 65.013

Цительманн Р.

В защиту капитализма. Развенчание популярных мифов /
Р. Цительманн — «Интермедиатор», 2022

ISBN 978-5-91603-739-5

В первой части книги Райнер Цительманн, немецкий историк и социолог, а также успешный предприниматель, опираясь на статистику и исторические факты, показывает несостоятельность десяти наиболее распространенных возражений против капитализма: якобы он ведет к голоду и бедности, к росту неравенства, к ненужному потреблению и разрушению окружающей среды и изменению климата, к финансовым кризисам и войнам; якобы при капитализме во главу угла ставится только прибыль в ущерб человечности, господствуют монополии, а демократия разрушается. Во второй части рассказывается о наиболее трагических эпизодах попыток строительства социализма в таких странах, как СССР, Китай и Камбоджа. В третьей части публикуются результаты уникального социологического опроса, проведенного по заказу автора в 21 стране. Цель опроса – выяснить, как жители Европы, Азии, Южной и Северной Америки и Австралии (структурированные по полу, возрасту, политическим взглядам) относятся к капитализму и экономической свободе. Отдельная глава посвящена итогам этого опроса в России (проведенного в феврале 2022 г.). В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 330.342.14:303.425.6

ББК 65.013

ISBN 978-5-91603-739-5

© Цительманн Р., 2022

© Интермедиагор, 2022

Содержание

Предисловие	7
Часть А. 10 величайших заблуждений противников капитализма	11
1. «Капитализм несет ответственность за голод и бедность»	11
2. «Капитализм ведет к росту неравенства»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Райнер Цительманн

В защиту капитализма.

Развенчание популярных мифов

Rainer ZITELMANN
IN DEFENCE OF CAPITALISM
DEBUNKING THE MYTHS

First published in German Language as:
Die 10 Irrtümer der Antikapitalisten: Zur Kritik der Kapitalismuskritik
© 2022 by Finanzbuch Verlag, Munich, Germany / All rights reserved.
www.finanzbuchverlag.de

Translated into English as: In Defence of Capitalism – Debunking the Myths
© 2022 by Rainer Zitelmann, Berlin, Germany / All Rights Reserved.
Translated into Russian Language by arrangements with of Maria Pinto-Peuckmann, Literary Agency, World Copyright Promotion, Kaufering, Germany.

© 2022 Rainer Zitelmann / All Rights Reserved
© Куряев А. В., перевод, 2022

Предисловие

В общественном сознании капитализм ассоциируется со всем, что в мире пошло не так. Для многих, и не только для приверженцев политической религии антикапитализма, само это слово является синонимом абсолютного зла. Куда бы вы ни посмотрели, у капитализма не так много друзей или союзников – несмотря на то, что он был самой успешной экономической системой в истории человечества.

Самый большой трюк противников капитализма – сравнение реальной системы, при которой мы живем, с идеалом совершенного мира их мечты, идеалом, которого не существует и никогда не существовало нигде в мире. Противники капитализма полагаются на то, что большинство людей мало знают об истории, о крайней нищете и бесчеловечных условиях, в которых жили наши предки до появления капитализма. И они знают, что большинство людей сегодня мало что узнали от своих учителей в школе или университете о жестоких и бесчеловечных условиях при социализме.

Наконец, они рисуют будущее в самых черных тонах, приписывая все проблемы и кризисы не провалам государства, а якобы недостаткам рынка. А тот факт, что все без исключения антикапиталистические системы заканчиваются крахом, социалисты не желают принимать. У них всегда наготове ответ: «Это был не “истинный” социализм!», – вслед за чем они уверенно заявляют, что после 100 лет неудачных социалистических экспериментов они наконец нашли правильный рецепт работающего социализма.

Капитализм – это экономическая система, основанная на частной собственности и конкуренции, при которой компании сами вольны определять, что и сколько они производят, и в этом им помогают цены, устанавливаемые рынком. Центральную роль в капиталистической экономике играют предприниматели, которые разрабатывают новые продукты и открывают новые рыночные возможности, и потребители, чьи индивидуальные решения о покупке в конечном итоге определяют успех или неудачу предпринимателя¹. По своей сути капитализм является предпринимательской экономической системой, и для ее описания наиболее подходящий термин – экономическая теория предпринимательства (entrepreneurial economics).

При социализме, напротив, преобладает государственная собственность, нет ни реальной конкуренции, ни реальных цен. Прежде всего отсутствует предпринимательство. Какие товары и в каком количестве производятся, определяют государственные органы централизованного планирования, а не частные предприниматели.

Но ни одна из этих систем не существует в чистом виде нигде. В действительности все экономические системы являются смешанными. При социалистических системах в реальном мире существовала и существует ограниченная частная собственность на капитальные блага и средства производства и следы свободной рыночной экономики (в противном случае они рухнули бы гораздо раньше). А в современных капиталистических странах присутствуют многочисленные элементы социализма и плановой экономики (которые часто мешают функционированию рыночной экономики и, соответственно, искажают ее результаты).

В книге «Сила капитализма» я разработал «теорию», которую теперь называю «теорией пробирки». Это не столько теория, сколько метафора, которую можно использовать для лучшего понимания исторических событий: представьте себе пробирку, содержащую элементы государства и рынка, социализма и капитализма. Затем добавьте в эту пробирку больше рынка, как это делают китайцы с 1980-х годов. Что мы наблюдаем? Снижение уровня бедности и рост

¹ Китайский экономист Вейинг Чжан, следуя традиции австрийской экономической школы (и, в частности, шумпетерианской экономики), подчеркивает роль предпринимательства. См.: Weiyang Zhang, *Ideas for China's Future*; Weiyang Zhang, “A Paradigmatic Change”.

благополучия. Или добавьте в пробырку больше государства, как это делают социалисты в Венесуэле с 1999 г. Что происходит? Больше бедности и меньше процветания.

Во всем мире мы видим эту борьбу противоположностей: рынок против государства, капитализм против социализма. Это диалектическое противоречие, и развитие страны – большее или меньшее процветание – зависит от развития соотношения между рынком и государством. Если в 1980–1990-х годах мы наблюдали усиление рыночных сил во многих странах (Дэн Сяопин в Китае, Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган в Великобритании и США, реформы в Швеции и в начале 2000-х годов в Германии), то сегодня, похоже, во многих странах верх берет другая сторона – государство. На уровне идей антикапитализм снова вошел в моду и все больше формирует мышление нового поколения журналистов и политиков.

Во время моих поездок по миру с целью продвижения книги «Сила капитализма» мне часто задавали вопросы, которые я не рассматривал в этой книге, например: а как насчет деградации окружающей среды? Или: не потеряны ли человеческие ценности в капитализме, не играет ли все остальное в конечном итоге второстепенную роль в погоне за прибылью? И не существует ли фундаментального противоречия между демократией и капитализмом? В конце концов, когда мы смотрим на США, люди спрашивают: разве не ясно, что политические результаты определяются не большинством избирателей, а большими деньгами? А разрыв между богатыми и бедными, который, как постоянно сообщают СМИ, постоянно увеличивается? А что вы скажете о глобальных монополистах, таких как «Гугл» и «Фейсбук», которые становятся все более и более могущественными? И разве не капитализм виноват в военных конфликтах по всему миру, и разве не он породил ужасные диктатуры, включая национал-социалистический режим Гитлера в Германии? Наконец, люди, которые сомневаются или отчаиваются в капитализме, спрашивают: не следует ли нам попробовать альтернативы капитализму? Вот некоторые из вопросов, которые я рассматриваю в этой книге.

Читая последующие главы, вы скоро поймете, что я не спорю на теоретическом уровне. Противники капитализма любят обсуждать теории, потому что они знают, что в концептуальных дискуссиях не всегда легко решить, кто прав, а кто виноват, и потому что им нравится воспарять к высотам абстракции. Однако для большинства людей теории и абстрактные экономические модели слишком неосязаемы и сложны для понимания. Это первый недостаток. Второй, еще более серьезный: некоторые теории соблазнительны, потому что они согласуются с тем, что, как нам кажется, мы знаем, с нашими предубеждениями о мире. Если они последовательны, увлекательно сформулированы, хорошо представлены и, прежде всего, согласуются с тем, что, как нам кажется, мы уже знаем, они обладают большой привлекательностью. Я считаю, что важнее сначала убедиться в том, что факты, на которых основана теория, действительно верны. И именно это является большим местом теорий, продвигаемых противниками капитализма: они не соответствуют историческим фактам, они просто усиливают наше предубеждение в отношении мира.

Некоторые сторонники капитализма также любят обсуждать экономические модели. Я ничего не имею против этого, и такие модели имеют свое обоснование. Однако я считаю, что, прежде чем решать, кто прав, гораздо разумнее обсуждать исторические факты, а не вступать в дебаты по поводу теоретических моделей.

В этой книге я придерживаюсь следующего подхода: в части А я подробно останавливаюсь на аргументах, которые неоднократно приводились против капитализма. В средней части, части Б, я рассматриваю вопрос об альтернативах капитализму. Социализм всегда хорошо выглядит на бумаге – за исключением тех случаев, когда на этой бумаге напечатан учебник истории.

Третий раздел, часть В, посвящен популярным представлениям о капитализме. Возможно, вы уже читали переведенные на русский язык книги «Просвещение продолжается» Стивена Пинкера или «Фактологичность» Ханса Рослинга? Я был очарован этими книгами,

потому что они доказывают, насколько ошибается большинство людей, считающих, что в прошлом все было лучше, а сейчас мир становится хуже. Существует поразительное противоречие между данными социологических опросов о том, как большинство людей воспринимают окружающий мир, и фактами. То же самое относится и к мнению людей о капитализме, где существует резкое расхождение между историческими и экономическими фактами, с одной стороны, и представлениями людей – с другой. Я знаю это, потому что в рамках крупномасштабного международного исследовательского проекта я задавал людям в 14 странах вопрос о том, что они думают о капитализме.

Основная цель этой книги – не вступить в полемику с другими учеными, а оспорить популярные мнения о капитализме. Тем не менее в некоторых главах я напрямую обращаюсь к аргументам, выдвинутым рядом выдающихся антикапиталистических интеллектуалов – таких как Тома Пикетти, Наоми Кляйн и Ноам Хомски, – а также в книгах и статьях, написанных учеными, критически относящимися к капитализму. Я делаю это прежде всего тогда, когда считаю, что их тезисы нашли признание среди более широких слоев населения. Конечно, большинство людей, придерживающихся антикапиталистических взглядов, никогда не читали трудов Карла Маркса или современных критиков капитализма. Но многие из их тезисов – переданные СМИ, университетами и школами – попали в общее сознание и даже считаются, по крайней мере частично, общепринятой мудростью, несмотря на многочисленные ошибки.

Вы также увидите, что, хотя некоторые из этих тезисов могут показаться довольно новыми и инновационными (например, критика потребления), на самом деле они гораздо старше. Хотя аргументы, выдвигаемые в поддержку антиконсьюмеризма, могли меняться – одно время движение было озабочено разрушением культуры, затем предполагаемыми опасностями «отчужденного потребления», теперь – изменением климата, – цель всегда оставалась одной и той же: капитализм. Постоянно меняющаяся аргументация антиконсьюмеристов позволяет предположить, что обоснование не так важно, как реальная цель. Некоторые противники капитализма, включая Наоми Кляйн, даже открыто признавались, что заинтересовались такими проблемами, как изменение климата, только когда обнаружили, что эта проблема является новым эффективным оружием в борьбе против того, к чему они испытывают самое большое отвращение, – против капитализма.

Критики, вероятно, обвинят меня в «односторонности». Это потому, что многие факты и аргументы, которые я привожу в этой книге, опровергают многие «истины» о мире, в которые большинство людей привыкло верить. Она также будет противоречить нарративу, который пропагандируется значительной частью средств массовой информации (к этому вопросу я вскоре перейду).

Из сказанного выше становится понятным, что обязательным предварительным требованием к читателю этой книги является открытость к фактам, которые могут бросить вызов вашему взгляду на мир. В ходе нашего международного исследования мы предложили респондентам из 14 стран 18 утверждений, чтобы выяснить их мнение о капитализме. Одно из утверждений, которое вызвало мало согласия, касалось того, что капитализм улучшил условия жизни простых людей во многих странах мира, – гораздо больше респондентов считают, что капитализм несет ответственность за голод и бедность. Цифры, которые я привожу в первой главе этой книги, ясно показывают, что верно прямо противоположное.

Однако в отношении голода и бедности очень трудно вести дискуссию, основанную на фактах. Чем сильнее эмоционально окрашена тема, тем меньше люди готовы воспринимать эмпирические данные, противоречащие их собственному мнению, что раз за разом подтверждается научными экспериментами и исследованиями.

В ряде почти одинаковых репрезентативных опросов, проведенных за последние три десятилетия, исследователи клали перед респондентами лист бумаги с картинкой и диалоговым окном и описывали изображенную ситуацию: «Сейчас я хотел бы рассказать вам об инци-

денте, который произошел на днях на панельной дискуссии по [далее следуют различные эмоционально поляризующие темы, такие как генная инженерия, изменение климата, ядерная энергия, загрязнение воздуха и т. д.]. Эксперты говорили о рисках и последних тенденциях в этой области. Вдруг кто-то из аудитории вскакивает и что-то кричит участникам дискуссии и зрителям». Затем исследователи попросили респондентов посмотреть на этого человека и на диалоговое окно на бумаге, в котором было написано: «Какое мне дело до цифр и статистики в данном контексте? Как вы вообще можете говорить так холодно, когда на карту поставлено выживание человечества и нашей планеты?». Под диалоговым окном был напечатан вопрос: «Как вы считаете: этот человек прав или не прав?» Этот вопрос неоднократно задавался в течение 27 лет в 15 различных репрезентативных опросах на самые разные эмоциональные и дискуссионные темы. Большинство респондентов неизменно соглашались с тем, кого не интересовали факты. В среднем 54,8 % опрошенных утверждали, что тот, кого не интересовали факты, был прав, и только 23,4 % не соглашались с ним.

При написании этой книги я ни в коей мере не заинтересован в том, чтобы занять искусственную «центристскую» позицию или приспособиться к ошибочным мнениям большого количества людей, когда факты неоспоримы. Тем не менее, учитывая сотни книг, написанных с целью осуждения капитализма, нет ничего плохого в том, чтобы написать книгу в его защиту. В любом судебном деле обвиняемому всегда предоставляется адвокат. Судья – в данном случае это вы, уважаемый читатель, – выносит решение только после того, как будут представлены все факты. В данном случае это факты в пользу капитализма. Суд, в котором нет защиты, а прокурор и судья находятся в сговоре, – это показательный суд. К сожалению, дебаты о капитализме чаще всего напоминают показательный, а не справедливый суд.

Наконец, я хотел бы поблагодарить ученых и друзей, которые помогли мне своей поддержкой и критическими замечаниями по поводу этой книги. Некоторые читали отдельные главы, другие – всю рукопись. Я благодарю проф. Йорга Баберовски, д-ра Даниэля Бультмана, проф. Юргена В. Фальтера, проф. Томаса Хекена, д-ра Кристиана Хиллера фон Герtringена, д-ра Гельмута Кнепеля, проф. Экхарда Йессе, проф. Ханса Матиаса Кепплингера, проф. Герда Коммера, проф. Штефана Кутса, проф. Вольфганга Михалка, Райнхарда Мора, д-ра Кристиана Нимица, проф. Вернера Плюмпе, проф. Мартина Ронхаймера, проф. Вальтера Шайделя, проф. Германа Симона, проф. Франка Трентманна, проф. Бернд-Юргена Вендта и проф. Эриха Веде.

Я выражаю особую благодарность доктору Томасу Петерсену из Института Алленсбаха, который на протяжении многих месяцев руководил международным исследовательским проектом, и моему другу Ангару Гроу, который вновь приложил свои силы для квалифицированного редактирования этой книги.

Часть А. 10 величайших заблуждений противников капитализма

1. «Капитализм несет ответственность за голод и бедность»

Капитализм часто обвиняют в голоде и нищете в мире. Что вы думаете? Уменьшилась, увеличилась или осталась прежней доля населения мира, живущего в бедности, за последние несколько десятилетий?

В 2016 г. 26 000 человек в 24 странах было предложено высказать свое мнение о росте абсолютной бедности за последние 20 лет. Только 13 % респондентов считали, что уровень бедности снизился. Напротив, 70 % считали, что уровень бедности вырос. Это заблуждение было особенно сильно в промышленно развитых странах: например, в Германии всего лишь 8 % респондентов считали, что доля людей, живущих в абсолютной бедности, во всем мире снизилась. Исследование, проведенное социологической компанией Ipsos MORI в 2017 г., пришло к аналогичному выводу. Так, только 11 % респондентов в Германии были убеждены, что абсолютная бедность в мире снизилась, по сравнению с 49 % опрошенных в Китае². Абсолютная бедность определяется по стоимости корзины основных товаров и услуг. Тот, кто не может приобрести эту корзину товаров, считается бедным в «абсолютном» выражении³.

До появления капитализма большинство людей в мире жили в крайней нищете. В 1820 г. около 90 % населения планеты жили в абсолютной нищете. Сегодня этот показатель составляет менее 10 %. И что особенно примечательно: в последние десятилетия, после падения коммунизма в Китае и других странах, снижение уровня бедности ускорилось до темпов, несравнимых ни с одним предыдущим периодом истории человечества. В 1981 г. уровень абсолютной бедности составлял 42,7 %, к 2000 г. он снизился до 27,8 %, а в 2021 г. составил менее 10 %⁴.

Решающее значение имеет этот главный тренд, сохраняющийся на протяжении десятилетий. Правда, вопреки первоначальным ожиданиям Всемирного банка, который собирает эти данные, за последние пару лет уровень бедности вновь вырос. Но это в основном результат глобальной пандемии ковид-19, которая усугубила ситуацию в странах, где бедность и так была относительно высокой.

Другие долгосрочные тенденции также дают повод для оптимизма. Например, во всем мире значительно сократилось число детей, занятых детским трудом: с 246 млн в 2000 г. до 160 млн 20 лет спустя, в 2020 г.⁵ Причем снижение произошло несмотря на то, что за тот же период население планеты выросло с 6,1 до 7,8 млрд человек.

Чтобы понять проблему бедности, необходимо обратиться к истории. Многие люди считают, что первопричиной глобальной бедности и голода является капитализм. У них совершенно нереалистичное представление о докапиталистической эпохе. Йохан Норберг, автор

² Fink / Kappner, <https://de.irefeurope.org/Diskussionsbeitrage/Artikel/article/Globale-Armut-Positive-Entwicklung-negative-Einschatzung>

³ Всемирный банк определяет абсолютную бедность как доход ниже международной черты бедности в 1,90 доллара США (ППС) в день. Это наиболее суровый тип бедности, характеризующийся острой нехваткой предметов первой необходимости (включая и особенно продукты питания). Измерение бедности в «долларах (ППС)» учитывает различия в покупательной способности в разных странах (ППС = Паритет покупательной способности).

⁴ Ср.: Pinker, 87 <Пинкер, 115>, Rosling, 52 <Рослинг, 46–47>, Fink / Kappner, <https://de.irefeurope.org/Diskussionsbeitrage/Artikel/article/Globale-Armut-Positive-Entwicklung-negative-Einschatzung> and <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>

⁵ “Kinderarbeit: Alarmierende Entwicklung laut UN-Studie” in FAZ, June 10, 2021. <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/kinderarbeit-alarmierende-entwicklung-lautun-studie-17380670.html>

книги «Прогресс», в молодости сам придерживался антикапиталистических взглядов. Однако он признается, что никогда не задумывался о том, как жили люди до Промышленной революции: «Я думал об этом скорее как о современной экскурсии в сельскую местность»⁶. А видный немецкий политик левого толка Сахра Вагенкнехт пишет в книге «Убежденные в своей правоте», что до капитализма люди «безусловно, жили крайне аскетично», но восхваляет такие условия за то, что они способствуют «гораздо более спокойной жизни с любовью к природе, жизни, интегрированной в сплоченные сообщества», которая по сравнению с капитализмом была «поистине идиллической»⁷.

В своей знаменитой статье о положении рабочего класса в Англии Фридрих Энгельс осудил условия труда при раннем капитализме в самых резких выражениях и нарисовал идиллическую картину домашнего труда до того, как механизированный труд и капитализм пришли, чтобы разрушить эту прекрасную жизнь: «Так рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле – работы, которая сама уже была для них отдыхом, – и кроме того они имели ещё возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это всё же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи»⁸.

Энгельс продолжает: «Они были людьми “почтенными” и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, поскольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни – кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал свое заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе божием...» Молодые люди, пишет Энгельс, «росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы». Единственная негативная нотка звучит, когда Энгельс продолжает: «...но зато в духовном отношении они были мертвы, жили только своими мелкими частными интересами, своим ткацким станком и садиком, и не знали ничего о том мощном движении, которым за пределами их деревень было охвачено всё человечество. Они чувствовали себя хорошо в своей тихой растительной жизни, и, не будь промышленной революции, они никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда весьма романтическим и уютным, но все же недостойным человека»⁹.

Эти и подобные романтизированные описания до неузнаваемости изменили представления многих людей о жизни в докапиталистические времена. Поэтому давайте более объективно взглянем на докапиталистическую эпоху в годы и века до 1820 г.

Бедность ни в коем случае не была вызвана капитализмом; она существовала уже давно и определяла жизнь людей на протяжении тысячелетий. У бедности нет причин, причины есть у процветания. Известный французский историк Фернан Бродель написал одну из самых авторитетных работ по социальной истории XV–XVIII вв. «Цивилизация и капитализм», в которой он пишет, что даже в относительно благополучной Европе постоянно случались депрессии

⁶ Norberg, Progress, 2.

⁷ Wagenknecht, 58.

⁸ Engels, Condition of the Working Class, 16 <Энгельс. Положение рабочего класса Англии, 245>.

⁹ Ibid., 16–17 <Там же, 254–246>.

и голод. Урожаи зерновых были настолько низкими, что два неурожая подряд вели к катастрофе¹⁰. Во Франции, даже тогда бывшей страной привилегированной, в XVII в. случилось 11 всеобщих голодов, а в XVIII в. – 16. Как отмечает Бродель, эти подсчеты, скорее всего, слишком оптимистичны. Причем все страны Европы находились в одинаковой ситуации. Например, в Германии, где и город, и деревня постоянно страдали от голода, одна голодовка следовала за другой.

Многие считают, что к голоду и нищете привели индустриализация и урбанизация. Но Бродель пишет, что в сельской местности люди порой испытывали еще большие страдания: «Крестьянин, живущий в зависимости от купцов, от городов, от сеньоров, почти не имеет запасов. В случае голода у него не остается иного выхода, как уйти в город, кое-как пристроиться там, нищенствовать на улицах... Городам скоро пришлось обороняться от этих постоянных нашествий, в которых участвовали не одни только нуждающиеся из окрестностей, но которые приводили в движение настоящие армии бедняков, порой приходившие очень издалека»¹¹.

Если бы условия в городах были в целом хуже, чем в сельской местности, миллионы людей не устремились бы в города. Немецкий историк экономики Вернер Плюмпе пишет: «Пролетариат создали не возникающие профессии и отрасли промышленности; напротив, пролетариат возник исключительно потому, что существовала широко распространенная, в основном сельская неполная занятость... В действительности индустриализация помогла большому количеству людей вырваться из структурной неполной занятости и бедности и выжить в качестве промышленной рабочей силы... Капитализм, если хотите, столкнулся с нищим населением, которому буквально нечего было терять и многое можно было приобрести»¹².

Конечно, это касалось только тех, кто нашел работу в городах и мог работать. Судьба всех остальных была незавидной. В Париже больных и инвалидов всегда помещали в больницы, а тех, кто был в состоянии работать, сковывали по двое цепями и давали тяжелую, отвратительную и бесконечную работу по очистке городской канализации¹³.

Во многих странах одной из самых больших проблем был Голод. В 1696/97 г. сильный голод был в Финляндии. По оценкам, умерло от четверти до трети населения. Но и в Западной Европе люди часто жили в бесчеловечных условиях. В 1662 г. выборные Бургундии докладывали королю, что «голод этого года пресек или обрек на смерть более 10 тыс. семей Вашей провинции, а треть жителей даже добрых городов вынудил питаться травой», а хронист добавляет к этому: «Некоторые люди ели человечину»¹⁴.

Рацион людей состоял из каши, похлебки и хлеба из некачественной муки, который выпекался только раз в один-два месяца и почти всегда был плесневелым и настолько твердым, что в некоторых областях его рубили топором¹⁵. Большинству людей, даже в городах, приходилось выживать на 2000 калорий в день, причем в структуре калорий более 60 % потребляемой пищи составляли углеводы¹⁶. Как правило, питание состояло из пожизненного потребления хлеба, еще хлеба и каши¹⁷. Потребление хлеба было особенно высоким среди сельского населения и низших слоев рабочего класса. Согласно Леграну д'Осси, в 1782 г. чернорабочий или крестьянин во Франции потреблял два-три фунта хлеба в день, «но тот, у кого есть другая еда, не потребляет его в таком количестве»¹⁸.

¹⁰ Braudel, 73 <Бродель, 87>.

¹¹ Ibid., 74–75 <Там же, 88>.

¹² Plumpe, *Das kalte Herz*, 149–150.

¹³ Braudel, 75 <Бродель, 89>.

¹⁴ Ibid., 78 <Там же, 91>.

¹⁵ Ibid. <Там же, 92>.

¹⁶ Ibid., 130 <Там же, 145, 146>.

¹⁷ Ibid. <Там же, 146>.

¹⁸ Цит. по: Ibid., 132 <Бродель, 147>.

В те времена люди были худыми и низкорослыми – на протяжении всей истории человеческий организм приспосабливался к недостаточному потреблению калорий. «Неквалифицированные работники XVIII в., – пишет Ангус Дитон в книге «Великое пробуждение», – фактически попали в пищевой капкан: они не могли много зарабатывать, потому что были физически слабы, и не могли достаточно питаться, потому что без работы у них не было денег на покупку еды»¹⁹. Некоторые люди восторгаются гармоничными докапиталистическими условиями, когда жизнь была намного медленнее, но эта медлительность была в основном результатом физической слабости из-за постоянного недоедания²⁰. Подсчитано, что 200 лет назад около 20 % жителей Англии и Франции вообще не могли работать. «В лучшем случае у них хватало энергии на несколько часов медленной ходьбы в день, что обрекало большинство из них на пожизненное попрошайничество»²¹.

В 1754 г. один английский автор сообщил: «Французские крестьяне не то что не зажиточны – они не располагают даже необходимым. Это тот род людей, который начинает чахнуть до сорокалетнего возраста... Один внешний вид французских земледельцев говорит об истощении»²². Аналогичная ситуация была и в других европейских странах. Бродель заявляет: «Такова совокупность фактов, образующая тот биологический старый порядок, о котором мы говорили: в целом это равные права жизни и смерти, очень высокая детская смертность, голодовки, хроническое недоедание, мощные эпидемии». В некоторые десятилетия умирало даже больше людей, чем рождалось детей²³. «Имущество» людей ограничивалось несколькими элементарными предметами, как это видно на картинах того времени: несколько табуреток, скамейка и бочонок, служащий столом²⁴.

И умирали люди так же, как жили. В одном из парижских отчетов говорится, что мертвых зашивали в мешковину и бросали в могилу для нищих в Кламарте, недалеко от столицы, а затем посыпали негашеной известью. Похоронные процессии бедняков состояли из «забрызганного грязью священника, колокольчика и креста». И этим проходам предшествовали неопишуемые условия богадельни, где на 5000–6000 больных было всего 1200 кроватей, и поэтому «новоприбывшего положат рядом с умирающим или трупом»²⁵.

Я так подробно описал реальность жизни людей, потому что хочу показать, что это значит, когда 90 % населения мира живет в крайней нищете. А ведь в других частях света люди жили в еще худших условиях, чем население Западной Европы. Выдающийся британский экономист Ангус Мэддисон специализировался на документировании экономического роста и развития в течение длительных периодов времени. На основе ряда сложнейших расчетов он определил исторический валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения для некоторых крупнейших экономик мира. В 1820 г. в Западной Европе, регионе, на котором мы сосредоточились в этой главе, данный показатель составлял 1202 международных доллара²⁶. Согласно Мэддисону, ВВП на душу населения находился на аналогичном уровне в других западных странах, т. е. в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Однако в остальном мире в 1820 г. ВВП на душу населения составлял всего 580 международных долларов, или примерно вдвое меньше, чем в Западном мире²⁷.

¹⁹ Deaton, 92.

²⁰ McCloskey / Carden, 41.

²¹ Norberg, Progress, 12.

²² Цит. по: Braudel, 90–91 <Бродель, 105, 106>.

²³ Braudel, 91–92 <Бродель, 106>.

²⁴ Ibid., 283 <Там же, 304>.

²⁵ Цит. по: Braudel, 491 <Бродель, 521>.

²⁶ Международный доллар – это гипотетическая денежная единица, которая имеет тот же паритет покупательной способности, что и американский доллар в США в 1990 г.

²⁷ Maddison, 70 <Мэддисон, 113>.

Положительное влияние капитализма становится более очевидным, если принять долгосрочную историческую перспективу. В первый год новой эры ВВП на душу населения в Западной Европе составлял 576 международных долларов, в то время как средний мировой показатель был равен 467, что означает, что за период до капитализма, с 1 по 1820 г., в Европе он увеличился чуть более чем в два раза. А за короткий период с 1820 по 2003 г. ВВП на душу населения в Западной Европе вырос с 1202 до 19 912 международных долларов, а в других капиталистических странах Запады – до 23 710 международных долларов²⁸.

В Азии, напротив, за 153 года с 1820-го по 1973-й ВВП на душу населения вырос всего с 581 до 1718 международных долларов. А затем, за 30 лет до 2003 г., он вырос с 1718 до 4434 международных долларов²⁹.

Что же послужило толчком к такому динамичному развитию? Рост ВВП на душу населения в Азии в первую очередь связан с тем, что после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Китай решил шаг за шагом, последовательно внедрять принципы капитализма. Поскольку снижение уровня бедности в мире во многом является результатом этого развития в Китае, ниже я хотел бы рассказать об этом немного подробнее.

Еще в 1981 г. до 88 % населения Китая жили в крайней нищете, а сегодня этот показатель составляет менее 1 %. Никогда в истории мира сотни миллионов людей не поднимались из крайней нищеты в средний класс за такой короткий период времени. Таким образом, на примере Китая можно многое узнать о том, как преодолевается бедность – не в теории, а в исторической реальности.

Но сначала давайте оглянемся назад. В конце 1950-х годов в результате «Большого скачка» Мао Цзэдуна в Китае умерло 45 млн человек. Поразительно, что большинство людей, которые изучают в школе реальные (или мнимые) проблемы, связанные с капитализмом, никогда не слышали о «Большом скачке», величайшем социалистическом эксперименте в истории.

Более подробно я писал об этом в книге «Сила капитализма», где цитировал китайского журналиста и историка Ян Цишэна: «Голод, который предшествовал смерти, был хуже самой смерти. Зерна не было, все дикие травы были съедены, даже кора была содрана с деревьев, а для наполнения желудков использовались птичий помет, крысы и хлопок. На разработках каолиновой глины голодающие люди жевали глину, когда копали ее»³⁰. Нередки были случаи каннибализма. Сначала отчаявшиеся жители деревни ели только трупы животных, но вскоре они начали выкапывать мертвых соседей, чтобы приготовить и съесть. Человеческая плоть продавалась на черном рынке вместе с другими видами мяса³¹. В исследовании, составленном – и быстро запрещенном – после смерти Мао Цзэдуна для уезда Фэнъян, «только весной 1960 г. было зафиксировано 63 случая каннибализма, включая случай с семейной парой, которая задушила и съела своего восьмилетнего сына»³².

В 1958 г., до «Большого скачка» Мао Цзэдуна, средняя продолжительность жизни составляла чуть менее 50 лет. Однако к 1960 г. она упала ниже 30 лет (!). Пять лет спустя, после того как голод и убийства прекратились, она снова выросла почти до 55 лет. Почти треть людей, родившихся во время самой мрачной фазы величайшего социалистического эксперимента в истории человечества, не дожили до его окончания³³.

После человеческой и экономической катастрофы эпохи Мао Цзэдуна китайцы начали посылать своих представителей в другие страны с миссиями по установлению фактов. Они

²⁸ Ibid. <Там же.>

²⁹ Ibid. <Там же.>

³⁰ Цит. по: Lee, 80.

³¹ Dikötter, Mao's Great Famine, 320–321.

³² Chang / Halliday, 533.

³³ Deaton, 39.

хотели увидеть своими глазами, что представляют собой эти страны и может ли Китай чему-то у них научиться. Начиная с 1978 г. ведущие китайские политики и экономисты начали активно ездить в другие страны. Они совершили 20 поездок в более чем 50 стран, пытаясь определить политику, которая могла бы привести Китай к экономическому успеху. Шоры спали с их глаз, когда они увидели, например, как живут рабочие в Японии. Вскоре они поняли, что коммунистическая пропаганда годами обманывала их, сравнивая «славные» достижения социализма в Китае со «страданиями» в капиталистических странах. На самом деле все было наоборот, в чем могли убедиться все участники этих поездок по установлению фактов. «Чем больше мы видим внешний мир, тем больше понимаем, насколько мы отсталые», – неоднократно замечал Дэн Сяопин, отец последующих капиталистических реформ в Китае³⁴.

Но было бы неверно полагать, что Китай в одночасье «обратился» в капитализм или сразу же начал отменять плановую экономику в пользу рыночной. Китайское правительство начало медленно, неуверенно, постепенно предоставляя государственным предприятиям все большую автономию. Переход от социалистической, управляемой государством экономики к рыночной произошел не внезапно. Это был процесс, длившийся годы и десятилетия, – и он все еще далек от завершения. И не менее важными (если не сказать больше), чем меры, принимаемые сверху, т. е. со стороны партии, были инициативы снизу, например со стороны крестьян.

После горького опыта «Большого скачка» все большее число крестьян в сельской местности перехватили инициативу и решили восстановить частную собственность на сельскохозяйственные угодья, хотя официально это было запрещено. Тем не менее вскоре выяснилось, что урожайность в частных хозяйствах намного выше, поэтому партийные чиновники разрешили людям заняться этим делом. Первые эксперименты проводились в особенно бедных «нищих деревнях», где чиновники пришли к выводу, что «если здесь все пойдет не так, то это не так уж плохо, потому что нельзя упасть, когда ты уже на дне». В одной из этих маленьких деревень партийное руководство разрешило крестьянам обрабатывать особо низкоурожайные поля как частным фермерам. Как только им разрешили это сделать, земля дала урожай в три раза больше, чем при коллективной обработке.

Задолго до того, как в 1982 г. был официально снят запрет на частное фермерство, по всему Китаю возникли стихийные инициативы фермеров по восстановлению частной собственности, вопреки социалистическому кредо. Результат был в высшей степени положительным: люди больше не были вынуждены голодать, а урожайность сельскохозяйственных культур значительно возросла.

И такие изменения наблюдались не только в сельской местности. Помимо крупных государственных предприятий, существовало множество муниципальных предприятий, которые формально принадлежали городам и муниципалитетам, но все больше управлялись как частные предприятия. Эти предприятия часто оказывались лучше громоздких государственных предприятий, поскольку на них не распространялись ограничительные директивы плановой экономики. В 1980-х годах возникало все больше и больше де-факто частных предприятий. Социалистическая система, при которой государственная собственность, контролируемая централизованными органами государственного планирования, была единственным вариантом, все сильнее разрушалась снизу.

Огромное значение имели вновь созданные специальные экономические районы, где действие социалистической экономической системы приостанавливалось и разрешались капиталистические эксперименты. Первая специальная экономическая зона была создана в Шэньчжэне, прилегающем к политически и экономически независимому капиталистическому Гонконгу, который в то время все еще был колонией британской короны. Как и в Германии, где до строительства Берлинской стены все больше и больше людей бежали с Востока на Запад, все

³⁴ Lee, 159.

больше и больше людей пытались уехать из социалистической Народной Республики в капиталистический Гонконг через тогда еще небольшой рыбацкий городок Шэньчжэнь.

Дэн Сяопин был достаточно умен, чтобы понять, что военное вмешательство и ужесточение пограничного контроля не решат главной проблемы, но необходимо проанализировать и устранить причины бегства людей из страны. Когда партийное руководство провинции Гуандун, частью которой был Шэньчжэнь, более детально изучило ситуацию, они обнаружили, что беженцы из материкового Китая живут в деревне, которую они основали на территории Гонконга на противоположном берегу реки Шэньчжэнь, где они зарабатывают в 100 раз больше денег, чем их бывшие соотечественники на социалистической стороне.

В ответ Дэн заявил, что, если Китай хочет остановить поток, ему необходимо повысить уровень жизни на китайской стороне реки. Шэньчжэнь, в котором в то время проживало менее 30 000 человек, стал местом проведения первого в Китае эксперимента по внедрению свободного рынка, который был осуществлен партийными кадрами, побывавшими в Гонконге и Сингапуре и на собственном опыте убедившимися в том, что капитализм работает гораздо лучше социализма.

Из места, где многие, рискуя жизнью, бежали из страны, эта бывшая рыбацкая деревня сегодня превратилась в процветающий мегаполис с населением 12 миллионов человек, с процветающей экономикой, в центре которой находится электронная и телекоммуникационная промышленность, и с более высоким доходом на душу населения, чем в любом другом китайском городе, за исключением Гонконга и Макао. Модель особого экономического района была быстро распространена в других регионах. Низкие налоги, низкая арендная плата и низкие бюрократические барьеры сделали особые экономические районы чрезвычайно привлекательными для иностранных инвесторов. Их экономика менее жестко регулировалась и была более ориентированной на рынок, чем во многих сегодняшних европейских странах.

Впервые я посетил этот регион в августе 2018 г. и повторно в декабре 2019 г. Во время второй поездки я беседовал с представителями частного аналитического центра. Руководитель аналитического центра – профессор, который не принадлежит ни к Коммунистической партии, ни к какой-либо другой из восьми «партий» в Китае. «Возможно, мы станем последними защитниками капитализма», – заметил он. Во время нашего разговора он выразил недоумение по поводу того, что социалистическое мышление переживает такой ренессанс в Европе и США: «Здесь, в Китае, почти никто уже не верит в идеи Карла Маркса».

Официальное провозглашение рыночной экономики на XIV съезде Коммунистической партии Китая в октябре 1992 г. – шаг, который был немислим всего несколькими годами ранее и который стал важной вехой на пути Китая к капитализму. Хотя партия не отказалась полностью от централизованного экономического планирования, цены на сырье, транспортные услуги и капитальные товары, которые устанавливались государством, резко упали.

Параллельно предпринимались попытки реформировать государственные предприятия, ранее находившиеся исключительно в государственной собственности. Теперь частные граждане и иностранные инвесторы могли стать акционерами. В 1990-е годы приватизация продолжалась быстрыми темпами, и некоторые компании были выведены на фондовый рынок. Было много стихийных приватизаций и IPO, инициированных местными органами власти. Стало ясно, что в условиях конкуренции многие государственные предприятия нежизнеспособны.

События в Китае доказывают, что ускорение экономического роста – даже если оно сопровождается ростом неравенства – идет на пользу большинству населения. Сегодня в Китае больше миллиардеров, чем в любой другой стране мира, за исключением США; в Пекине проживает больше миллиардеров, чем в Нью-Йорке. Это подтверждает ошибочность антикапиталистического «мышления с нулевой суммой», которое утверждает, что богатые богаты только потому, что они что-то отняли у бедных. Причина, по которой сотни миллионов людей в Китае сегодня живут гораздо лучше, заключается не в том, что там так много миллионеров и милли-

ардеров, а в том, что – после смерти Мао Цзэдуна – Дэн Сяопин дал указание: «Пусть сначала некоторые люди разбогатеют».

Дэн Сяопин был прав, отдавая приоритет экономическому росту, что видно из следующих фактов: китайские провинции, в которых бедность за последние десятилетия снизилась больше всего, – это те же самые провинции, в которых наблюдался наибольший экономический рост. Вейинг Чжан, который, безусловно, является самым глубоким аналитиком китайской экономики, отвергает мнение о том, что необычайный успех Китая является результатом значительной роли государства. Такое неверное толкование широко распространено на Западе, но оно все чаще встречается и в самом Китае, где некоторые политики и ученые считают, что объяснение успеха страны кроется в особой «китайской модели». «Сторонники китайской модели ошибаются, потому что путают “вопреки” и “благодаря”. Китай быстро развивался *не благодаря, а вопреки* неограниченному правительству и большому неэффективному государственному сектору»³⁵.

На самом деле движущими силами потрясающего экономического роста Китая являются рыночность и приватизация. Чжан проанализировал данные по различным регионам Китая и пришел к выводу, что «чем больше рыночных реформ провела провинция, тем более высокого экономического роста она достигла, а отстающие в проведении рыночных реформ также отстают в экономическом росте»³⁶. Регионы, в которых рыночные реформы проводились наиболее последовательно, т. е. Гуандун, Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу, также обеспечили наибольший экономический рост.

Здесь, и это ключевой момент, «лучшим показателем прогресса реформ являются *изменения* в баллах рыночности в соответствующие периоды, а не абсолютные показатели конкретного года»³⁷. Темпы роста наиболее высоки там, где решающую роль играют частные компании. Это доказывают данные Чжана: «Провинции, экономика которых в большей степени “приватизирована”, скорее всего, будут расти быстрее. Высокие темпы роста обеспечили именно негосударственные секторы, а не государственный сектор»³⁸.

Процесс реформ в Китае за последние десятилетия никогда не был равномерным, никогда не шел только в одном направлении. Были фазы, когда рыночные силы быстро становились сильнее, а также фазы, когда государство вновь утверждало свое превосходство. Даже если в долгосрочной перспективе основной тенденцией было «сокращение государства и усиление частного» (*guo tui min jin*), были также периоды и регионы, в которых наблюдалась обратная тенденция, т. е. «усиление государства и сокращение частного» (*guo jin min tui*). Чжан рассматривает различные темпы роста в регионах с «сокращением государства и усилением частного» и регионах с «усилением государства и сокращением частного». И снова результаты очевидны: экономическое производство росло значительно быстрее в регионах с «сокращением государства и усилением частного». Как объясняет Чжан, это доказывает, «что быстрый рост Китая за последние четыре десятилетия был обусловлен силой рынка и негосударственного сектора, а не силой правительства и государственного сектора, как утверждают теоретики китайской модели»³⁹.

Решающим фактором будущего развития китайской экономики является степень инновационности. Анализ интенсивности исследований и разработок в промышленности, количества выданных патентов на душу населения и доли продаж новой продукции в общем объ-

³⁵ Zhang, *The China Model*, 18–19. Курсив в оригинале.

³⁶ *Ibid.*, 9 – 10.

³⁷ *Ibid.*, 10. Курсив в оригинале.

³⁸ *Ibid.*, 11–12.

³⁹ *Ibid.*, 13.

еме доходов промышленности показывает, что все эти ключевые показатели инноваций четко положительно коррелируют со степенью рыночности⁴⁰.

Когда я встретился с Вейином Чжаном в Пекине, он подчеркнул серьезную опасность неверного понимания причин экономического роста в Китае не только для Китая, но и для Запада. Если люди на Западе ошибочно сделают вывод о том, что экономический успех Китая основан на некоем уникальном «третьем пути» между капитализмом и социализмом, также известном как «государственный капитализм», Чжан беспокоится, что они извлекут неправильные уроки для своих собственных стран. В книге «Идеи для будущего Китая», которая была опубликована в 2020 г., Чжан использует очень меткую метафору: «Представьте себе человека без руки, который бежит очень быстро. Если вы можете сделать вывод, что его скорость объясняется отсутствием руки, то вы, естественно, призовете других отпилить себе одну из рук. Это стало бы катастрофой... Экономисты не должны путать “вопреки” и “благодаря”»⁴¹.

Сторонники сильного государства в Европе и США хотят, чтобы все поверили, что экономический успех Китая подтверждает, что экономический рост неразрывно связан с сильным государством. Анализ Вейинга Чжана доказывает, что все обстоит как раз наоборот.

Во многих отношениях, по мнению Чжана, китайский путь менее исключителен, чем может показаться на первый взгляд: «На самом деле экономическое развитие Китая, по сути, аналогично экономическому развитию западных стран – таких как Великобритания в период Промышленной революции, США в конце XIX – начале XX в. и некоторых стран Восточной Азии, таких как Япония и Южная Корея после Второй мировой войны. Как только будут введены рыночные силы и созданы правильные стимулы для стремления людей к богатству, чудо экономического роста рано или поздно последует»⁴².

Действительно, существует много параллелей между Китаем и развитием раннего капитализма в Европе и США. «Ранний капитализм» – фраза, приводящая в ужас противников капитализма, несмотря на то что это было время резкого улучшения условий жизни рабочего класса. Томас Дилоренцо иллюстрирует это следующими цифрами по США: «С 1820 по 1860 г. заработная плата росла примерно на 1,6 % в год, и за этот период покупательная способность заработной платы среднего рабочего увеличилась на 60–90 %, в зависимости от того, в каком регионе страны проживал рабочий. Между 1860 и 1890 гг., во время “второй промышленной революции”, реальная заработная плата, т. е. заработная плата с поправкой на инфляцию, выросла в Америке на 50 %. Средняя рабочая неделя стала короче, что означает, что реальный заработок среднего американского рабочего, вероятно, вырос за это время более чем на 60 %»⁴³. В следующей главе я покажу, что нечто подобное можно сказать и о раннем капитализме в Англии, который часто приводится в качестве особенно ужасного примера бесчеловечных и унижающих достоинство условий.

Капитализм сделал больше для преодоления голода и бедности, чем любая другая система в мировой истории. Самые страшные случаи рукотворного голода за последние 100 лет произошли при социализме. Согласно официальным данным Большой советской энциклопедии 1927 г., после большевистской революции российский голод 1921–1922 гг. унес жизни 5 млн человек. По самым высоким оценкам, число погибших от голода составило от 10 до 14 млн человек. Всего десятилетие спустя социалистическая коллективизация сельского хозяйства и «ликвидация кулачества» Иосифа Сталина (подробнее об этом в главе 11) вызвали следующий великий голод, в результате которого погибло от 6 до 8 млн человек. В отно-

⁴⁰ Ibid., 14.

⁴¹ Zhang, *Ideas for China's Future*, 229.

⁴² Zhang, *The Logic*, 158.

⁴³ DiLorenzo, 95–96.

сительном выражении особенно сильно пострадал Казахстан, где погибла треть населения⁴⁴. Избыточное количество смертей населения Украины составило 3917,8 тыс. человек, России – 3264,6 тыс., Казахстана – 1258,2 тыс. человек⁴⁵.

«Когда употребляется термин “голод”, – пишет немецкий эксперт по Китаю Феликс Вемхойер в книге «Большой голод», – первое, что приходит на ум большинству людей, это Африка. Однако в XX в. 80 % всех жертв голода умерли в Китае и СССР»⁴⁶. Он не имеет в виду миллионы жертв общего недоедания и недостаточного медицинского обслуживания, а определяет голод как событие, которое вызывает скачок уровня смертности по сравнению с тем, что является «нормальным» в любой данной стране⁴⁷. Конец коммунизма стал одним из основных факторов снижения уровня голода на 42 % в период с 1990 по 2017 г.⁴⁸

Почему же, когда сегодня люди думают о «голоде и бедности», они думают о капитализме, а не о социализме, системе, которая в действительности была ответственна за самые большие случаи массового голода XX века? Это один из типичных примеров аберрации восприятия.

В Северной Корее, одной из немногих оставшихся в мире социалистических стран, в 1994–1998 гг. от голода умерло несколько сотен тысяч человек. Представитель северокорейской элиты Чан Цзинь-сун так описывает свой личный опыт жизни в Северной Корее в конце 1990-х годов, до того как он бежал на Запад. Голодающих отправляли в парки, чтобы они просили милостыню перед смертью. Существовал специальный «Отдел трупов», работники которого тыкали в тела палками, чтобы проверить, не умерли ли они уже. Он видел, как они грузили трупы на рикши, из которых в разные стороны торчали босые костлявые ноги. На переполненном рынке женщина, чей муж уже умер от голода, предлагала свою дочь на продажу за 100 вон (менее 10 центов)⁴⁹.

Вернемся к цифрам: Индекс экономической свободы, ежегодно составляемый Фондом «Наследие», показывает, что в наиболее капиталистических странах средний ВВП на душу населения составляет 71 576 долл. Сравните с 47 706 долл. в «основном свободных» странах мира. На другом конце шкалы «в основном несвободных» и «деспотичных» страны имеют ВВП на душу населения всего 6834 и 7163 долл. соответственно⁵⁰.

Глобальный Индекс многомерной бедности (MPI)⁵¹ Организации Объединенных Наций измеряет различные формы бедности (включая здоровье, уровень жизни и образование) в 80 развивающихся странах. Если сравнить MPI ООН с Индексом экономической свободы, то можно увидеть, что 35,3 % населения «в основном несвободных» развивающихся стран живут в «многомерной бедности» по сравнению с только 7,9 % населения «в основном свободных» развивающихся стран⁵². Вера в то, что все будет лучше, если мы только «перераспределим» деньги от богатых стран к бедным, наивна. Экономика – это не игра с нулевой суммой, в которой нужно просто взять что-то у одного богатого человека, группы или страны и распределить это среди других, чтобы все стали богаче. Что действительно побеждает бедность, как пока-

⁴⁴ Wemheuer, 17–18, 59.

⁴⁵ Рудницький О. П., Савчук А. Б. Голод 1932–1933 рр. в Україні у демографічному вимірі // Голод в Україні у першій половині XX століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р., Київ 2013. С. 364.

⁴⁶ Wemheuer, 17.

⁴⁷ Ibid., 235.

⁴⁸ <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/globalisierung/52693/unterernaehrung>

⁴⁹ Norberg, Progress, 25–26.

⁵⁰ Miller / Kim / Roberts, Index of Economic Freedom 2021, 22.

⁵¹ Oxford Poverty & Human Development Initiative, Global MPI 2021: <http://hdr.undp.org/en/2021-MPI>

⁵² Miller / Kim / Roberts, Index of Economic Freedom 2021, 25.

зывают события в Западной Европе с 1820 г. и в азиатских странах, таких как Китай, Южная Корея и Вьетнам, за последние 40 лет, так это расширение экономической свободы.

Бесчисленные исследования доказывают, а экономисты подчеркивают, что помощь в целях экономического развития принесла странам Африки больше вреда, чем пользы⁵³. Это факт, который я подробно исследовал во второй главе моей книги «Сила капитализма». Между 1970 и 1998 гг., в период максимального притока помощи в целях развития в Африку, уровень бедности на континенте вырос с 11 до 66 %⁵⁴. Иностранная помощь поддерживала коррумпированные правительства, которые не чувствовали себя обязанными обеспечивать благосостояние своего народа. Выплаты иностранной помощи также означали, что эти правители не зависят от согласия своего народа. Это позволяло им бесцеремонно вмешиваться в верховенство закона, препятствовать созданию прозрачных гражданских институтов и защите гражданских свобод. В свою очередь, это отбивало желание как у местных, так и у иностранных инвесторов вкладывать средства в эти бедные страны. По сути, западная помощь в целях развития много сделала, чтобы отбросить многие африканские страны далеко назад в их развитии.

Иностранная помощь мешала развитию функционирующей капиталистической экономики, а высокий уровень коррупции делал инвестиции в бедные страны непривлекательными⁵⁵. Это привело к экономической стагнации и замедлению экономического роста. Коррумпированные государственные чиновники были больше заинтересованы в удовлетворении собственных интересов, чем в служении общему благу. Крупные суммы иностранной помощи и культура зависимости от помощи также побуждали правительства африканских стран к дальнейшему расширению непродуктивного государственного сектора, что было одним из способов вознаградить своих приближенных⁵⁶.

Конечно, богатые страны должны помогать бедным странам в чрезвычайных ситуациях, например при стихийных бедствиях или пандемии. В таких случаях должно быть само собой разумеющимся, что одна страна помогает другой, например предоставляя медицинское оборудование, лекарства, продукты питания и т. д. То же самое должно относиться и к людям, которые, несмотря на то что живут в процветающей стране, оказались в нищете не по своей вине, например в результате болезни или другого удара судьбы. Здесь щедрая помощь должна оказываться без раздумий, как со стороны частных лиц, так и со стороны государства. Но такая помощь ничего не дает для преодоления структурной бедности.

В Европе или США в дебатах о наиболее эффективных методах искоренения бедности, голода, детского труда и других проблем стали доминировать наивные идеи. Некоторые люди чувствуют себя хорошо, отказываясь покупать товары, в производстве которых использовался детский труд. Но нередко «победы» против детского труда, которые празднуют «активисты», на самом деле еще больше ухудшают положение людей в бедных странах. Йохан Норберг приводит следующий пример: в 1992 г. стало известно, что американская розничная компания «Уолмарт» покупала одежду, которая была произведена работающими детьми. Тогда Конгресс США пригрозил запретить импорт из стран, где используется детский труд. В результате этой угрозы многие тысячи детей в Бангладеш были немедленно уволены из текстильной промышленности. Когда впоследствии международные организации провели расследование, чтобы выяснить, что стало с этими детьми, оказалось, что многие из них перешли на более опасные и менее оплачиваемые профессии, а в некоторых случаях занялись проституцией.

⁵³ Ср.: Zitelmann, *The Power of Capitalism*, Chapter 2.

⁵⁴ Moyo, 8.

⁵⁵ *Ibid.*, 55.

⁵⁶ *Ibid.*, 67.

По данным ЮНИСЕФ, аналогичный бойкот непальской ковровой промышленности привел к тому, что более 5000 девочек были вынуждены заниматься проституцией⁵⁷.

Летом 2014 г. новый закон о детском труде в Боливии попал в заголовки мировых газет и вызвал ожесточенные дебаты. Закон разрешает детям в возрасте до десяти лет работать при определенных условиях труда. Работающие дети были даже среди тех, кто помогал писать закон. Скандал? ЮНИСЕФ прокомментировал: «Следует признать, что во многих странах с низким и средним уровнем доходов детский труд является реальностью. В Боливии многие девочки и мальчики говорили, что они нуждаются в заработной плате, чтобы выжить. Сторонники закона считают, что без него дети работали бы нелегально и подвергались бы гораздо большему риску эксплуатации. С другой стороны, критики опасаются, что закон ослабит защиту детей»⁵⁸.

Поэтому ситуация не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Как уже говорилось выше, масштабы детского труда во всем мире значительно сократились, но не в результате запретов или бойкотов, а потому, что во многих (ранее) развивающихся странах условия жизни людей улучшились. Родители, которые раньше зависели от работы своих детей, теперь могли сами зарабатывать больше и финансировать образование для своих детей. В борьбе с детским трудом помогло не сокращение, а расширение капитализма.

Но как быть с бедными в развитых богатых странах? Здесь прежде всего важно провести различие между «относительной» и «абсолютной» бедностью. Когда люди говорят о бедности в таких странах, как Германия или Швеция, они обычно имеют в виду «относительную» бедность, к которой мы вернемся в следующей главе. Относительная бедность относится к людям, которые, например, зарабатывают менее 60 % среднего дохода в стране. Такая бедность никогда не может быть ликвидирована, потому что, независимо от увеличения медианного дохода, всегда будут люди, зарабатывающие 60 % или меньше от него. Это неизбежный результат статистического построения медианного дохода, который является не средним доходом, а доходом, который делит население на две равные группы, половина из которых имеет доход выше этой суммы, а половина – ниже.

Противники капитализма всегда утверждают, будто все (относительно) бедные люди, живущие в богатой стране, стали бедными не по своей вине. Они приходят в негодование, когда кто-то указывает на то, что в таких странах, как Германия, Великобритания, Швеция или США, тоже есть бедные люди, которые полностью или частично виноваты в своем положении. Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что помимо людей, нуждающихся не по своей вине, есть и те, кто предпочитает пользоваться государственной системой социального обеспечения, а не работать. В некотором отношении их даже можно понять: если высокие налоги и взносы на социальное обеспечение означают, что от валового дохода человека остается слишком мало и в то же время государство благосостояния выдает сравнительно щедрые пособия, как это происходит, например, в Германии, то всегда найдутся люди, которые предпочтут жить на эти пособия и, возможно, работать с оплатой наличными. В конце концов, они знают, что в итоге получают столько же или даже больше, прилагая меньше усилий, чем те, кто работает 40 часов в неделю. Мы должны направлять свой гнев не на этих людей, а на систему, которая делает их поведение экономически рациональным.

Но разве поощрение людей видеть себя в первую очередь жертвами может кому-то помочь? Не заставляет ли это людей чувствовать себя беспомощными и лишает их чувства самостоятельности? Послание звучит следующим образом: «Ваша жизненная ситуация такова, какова она есть, по структурным причинам, поэтому у вас нет шансов изменить ее, пока

⁵⁷ Norberg, *Global Capitalism*, 199 <Норберг. В защиту глобального капитализма, 177>.

⁵⁸ UNICEF “Kinderarbeit weltweit: Die 7 wichtigsten Fragen und Antworten”: <https://www.unicef.de/informieren/aktuelles/blog/kinderarbeit-fragen-und-antworten/166982>

эти структуры не будут разрушены». Во-первых, такие послания ошибочны, а во-вторых, они дестимулируют людей.

Сторонники капитализма призывают людей взять свою судьбу в собственные руки, не ждать, пока другие помогут им или изменится общество. И одна из главных причин, почему они это делают, заключается в том, что они знают: то, что обещают противники капитализма, а именно что бедность и лишения могут быть облегчены только путем отмены капитализма, совершенно не подтверждается историей. На самом деле, как мы увидим в главе 11, всегда было наоборот: везде, где капитализм упразднялся, бедность возрастала.

2. «Капитализм ведет к росту неравенства»

«Бедные становятся беднее, а богатые – богаче» – в прошлой главе мы увидели, что по крайней мере первая часть этого часто повторяемого высказывания не соответствует действительности. Миллиардные состояния сверхбогатых людей противопоставляются тому, что есть у большинства людей. Состояния сверхбогатых действительно ошеломительно высоки, но практически все это богатство воплощено в продуктивных корпоративных активах. Некоторые люди воображают, что у Джеффа Безоса на банковском счету лежит 100 или 200 миллиардов долларов. Но на самом деле большая часть его состояния – вероятно, более 95 % – связана с акциями его компании Amazon, в которой работает около 1,3 млн человек по всему миру. Это и есть источник его гигантского состояния.

Но сначала давайте зададим более фундаментальный вопрос: как насчет проблемы неравенства? Правда ли, что при капитализме разрыв между богатыми и бедными увеличивается? Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит спросить: нужно ли вообще стремиться к равенству? И что подразумевается под равенством? И почему так много людей озабочены проблемой неравенства больше, чем проблемой бедности?

Понятием равенства были одержимы авторы классических утопических романов. Почти в каждом проекте утопической системы частная собственность на средства производства (а иногда и вся частная собственность) упраздняется, как и любые различия между богатыми и бедными. Уже в 1517 г. в романе «Утопия» англичанина Томаса Мора, который дал название этому жанру, говорится следующее: «Поэтому я полностью убежден, что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность»⁵⁹.

В романе философа Томмазо Кампанеллы «Город Солнца», написанном в 1602 г., почти все жители города, будь то мужчины или женщины, носят одинаковую одежду. А в утопическом «Описании республики христианополитанской» Иоганна Валентина Андреэ существует только два вида одежды. «У них есть только два вида одежды, одна для работы, другая для праздников; и для всех классов они сделаны одинаково. Формой одежды определяются пол и возраст. Ткань изготавливается из льна или шерсти, соответственно для лета или зимы, а цвет для всех белый или пепельно-серый; ни у кого нет модных, сшитых на заказ вещей». Во многих утопических романах даже архитектура домов полностью одинакова⁶⁰.

Сегодня едва ли кто-то из жалующихся на «социальную несправедливость», выступает за столь радикальный эгалитаризм. Почти все признают, что разница в доходах – это нормально, но многие добавляют: эта разница не должна быть «слишком большой». Но что является «слишком большим», а что – нормальным? Многие критики социального неравенства отмечают, что за последние десятилетия различия стали больше – например, менеджеры сегодня зарабатывают гораздо больше по сравнению с рядовыми работниками, чем в прошлом. Но было ли это соотношение правильным «в прошлом»? Вряд ли, потому что многие из тех, кто сегодня жалуется на «слишком большое неравенство», в свое время высказывали точно такие же претензии.

Как в философских «теориях справедливости», так и в повседневном понимании многих людей, вознаграждение, которое человек получает за свой труд, должно быть пропорционально количеству затраченного им труда. «Если этот принцип не соблюдается, т. е. если кто-то получает большее вознаграждение при меньших усилиях, возникает чувство неспра-

⁵⁹ More, *Utopia*, 79–80 <Мор. Утопия, 49>.

⁶⁰ Andreä, 171.

ведливости»⁶¹. Опросы постоянно показывают, что от 88 до 95 % жителей Западной Европы считают, что основным фактором при определении дохода должна быть «производительность/результативность» (performance)⁶². Но из исследований мы знаем, что особенно люди с низким социально-экономическим статусом обычно понимают «производительность/результативность» как «добросовестное выполнение определенного количества задач в течение некоторого периода времени»⁶³.

Большинство людей понимают под «производительностью/результативностью» как затраченное время, так и интенсивность усилий и старательности человека. Я называю это «менталитетом работника», потому что это соответствует личному опыту сотрудников или работников, которые считают, что их зарплата пропорциональна их усилиям: те, кто работает дольше или усерднее, обычно зарабатывают больше. Именно это большинство людей считают «справедливым».

Они не понимают, что эта связь применима – если вообще применима – только к «синим» и «белым воротничкам» или работникам сельского хозяйства и рыболовства, но уж точно не к предпринимателям. В отношении предпринимателей важнее всего качество их бизнес-идеи, креативность, инновации⁶⁴. Австрийский экономист Йозеф Шумпетер писал, что предпринимательская прибыль *«возникает в капиталистической экономике везде, где успешно внедряется новый метод производства, новая коммерческая комбинация, новая форма или организация. Это премия, которую капитализм придает инновациям. Внедрение инноваций в экономику – это истинная предпринимательская функция, то, что на самом деле представляет собой предпринимательскую деятельность и отличает ее от простого администрирования и повторяющихся рутинных аспектов управления»*⁶⁵.

Если посмотреть на список самых богатых людей в мире, можно увидеть, что, как правило, они стали богатыми потому, что у них была уникальная предпринимательская идея и они вывели на рынок продукт, который был признан полезным большим числом потребителей. Это и есть принцип капитализма, но многие его не понимают. Важен не объем работы, а польза, приносимая обществу. Эта польза часто не имеет никакого отношения к тому, сколько времени и «пота» предприниматель вложил в свою бизнес-идею.

Другое заблуждение в этом контексте заключается в том, что в ретроспективе, возможно через год или через 50 лет, ценность таких бизнес-идей оценивается как низкая, потому что большинство инноваций по прошествии достаточного времени кажутся банальными и устаревшими благодаря более совершенным и новым инновациям. Те, кто неправильно понимает предпринимательское творчество, не понимают, что лучшие бизнес-идеи отличает не столько технический гений, сколько то, что они первыми выходят на рынок с идеей и оказываются действительно актуальными для людей.

Сегодня в «Эткер групп» работают более 30 000 человек, а объем продаж составляет миллиарды. Компания была основана в 1891 г., а десять лет спустя Август Эткер подал патент на разрыхлитель для выпечки (пекарский порошок), который сделал его одним из самых богатых людей в Германии. Позже Эткер неоднократно говорил: «В большинстве случаев хорошая идея – это все, что нужно, чтобы сделать человека»⁶⁶. Причем «хорошая идея» даже не обяза-

⁶¹ Sachweh, 45.

⁶² Ibid., 235.

⁶³ Ibid., 68.

⁶⁴ Здесь не следует путать инновацию с изобретением. Инновации – это творческие новшества, на которые существует реальный спрос. Изобретения могут быть «творческими» и «замечательными», но не иметь коммерческого успеха, потому что потребители не находят их привлекательными в момент их появления или потому что изобретатель плохо продвигает их на рынке.

⁶⁵ Schumpeter, “Unternehmerfunktion und Arbeiterinteresse”, 229. Курсив в оригинале.

⁶⁶ Цит. по: Jungbluth, Oetkers, 62.

тельно должна быть собственным творением предпринимателя. Эткер не изобрел пекарский порошок, но у него первого появились гениальные идеи о том, как его можно улучшить и, главное, превратить в продукт, который удовлетворит потребности миллионов людей.

Брайан Актон и Ян Кум изобрели Вотсап и в 2014 г. продали его компании «Фейсбук» за 19 млрд долл. Сейчас два миллиарда человек по всему миру используют Вотсап не только для отправки сообщений и файлов, но и для бесплатных телефонных звонков. Благодаря своей инновационной идее два основателя Вотсап сколотили состояние в 13 млрд долл. Они стали богатыми благодаря своей идее. Усилилось ли неравенство из-за того, что теперь стало на два мультимиллиардера больше? Безусловно. Но повредило ли это кому-нибудь, кроме, возможно, поставщиков дорогих телефонных тарифных планов?

Идеи и время их появления имеют решающее значение, и даже неважно, сам ли предприниматель разработал эту идею. Многие успешные бизнесмены, будь то Сэм Уолтон из «Уол-март», Стив Джобс из «Эппл» или Билл Гейтс из «Майкрософт», не разрабатывали свои ключевые бизнес-идеи сами, а брали их у других. И наоборот, многие изобретатели, например кока-колы или операционной системы, позже названной MS-DOS, не стали богатыми благодаря своим инновациям. Разбогатели те, у кого были гениальные идеи о том, как эти изобретения можно превратить в новые продукты, удовлетворяющие потребности многих людей в конкретный момент времени. Очевидно, что вопрос о том, как долго или как упорно работают эти предприниматели, не имеет смысла. Многие люди стараются не меньше, а может быть, даже больше и работают столько же или дольше, но не становятся богатыми.

А что можно сказать о топ-менеджерах, работающих в крупных компаниях? Их высокие зарплаты подвергаются серьезной критике со стороны противников капитализма, зачастую даже больше, чем доходы предпринимателей (обычно гораздо более высокие). Это происходит в основном потому, что данные о зарплатах руководителей нередко находятся в открытом доступе. Любой желающий может узнать, сколько зарабатывает генеральный директор компании, ценные бумаги которой обращаются на бирже, в то время как с предпринимателями дело обстоит, как правило, иначе. Кроме того, многие люди (даже те, кто симпатизирует капитализму) относятся к менеджерам высшего звена с меньшим уважением, чем к предпринимателям.

Зарплаты менеджеров часто так высоки, потому что они определяются принципами спроса и предложения на очень узком рынке руководителей высшего звена – сравнимом с рынком ведущих спортсменов, где часто оперируют еще более высокими суммами. Тем не менее проведенный по моему заказу опрос в одиннадцати странах показал, что большинство людей считают, что руководители высшего звена не заслуживают своих высоких зарплат. Я был заинтригован и захотел узнать, почему столь много людей так думают.

Мои опросы показали, что 63 % немцев считают неуместным, чтобы менеджеры зарабатывали более чем в 100 раз больше, чем наемные работники, потому что, в конце концов, они работают не намного дольше, чем их подчиненные, и их работа не намного труднее. Это мнение получило наибольшую поддержку, когда респондентов спросили, почему руководители не должны зарабатывать столько, сколько они получают. Это отражает преобладающее мышление наемных работников, о котором говорилось выше и которое диктует, что зарплата должна определяться в первую очередь тем, как долго и насколько усердно человек работает⁶⁷.

Таким образом, наемные работники проецируют свои собственные показатели производительности/результативности и вознаграждения на руководителей высшего звена и считают, что должна существовать тесная взаимосвязь между тем, насколько усердно и как долго человек работает, с одной стороны, и его заработной платой – с другой. Что же касается оплаты труда менеджеров высшего звена, то респонденты не видят такой связи. Поэтому они делают

⁶⁷ Zitelmann, *The Rich in Public Opinion*, 307.

вывод, что зарплаты менеджеров завышены, так как ни один менеджер не может работать в 100 раз дольше или усерднее, чем средний сотрудник. Редко кто из респондентов понимает, что зарплата менеджеров высшего звена определяется спросом и предложением на рынке руководителей высшего звена. Только один из пяти немецких респондентов согласился с тем, что компании могут нанять и удержать лучших менеджеров, только если они платят им очень высокую зарплату (в опросе указывалась зарплата, в 100 раз превышающая зарплату среднего сотрудника), потому что в противном случае эти менеджеры уйдут в другую компанию, где платят больше, или будут работать на себя⁶⁸. В большинстве других стран, где проводилось исследование, ситуация была аналогичной: большинство респондентов (особенно из групп с низким уровнем дохода, но не только), похоже, имеют неявные ожидания по зарплате, согласно которым зарплата является, так сказать, «премией за пот», которая компенсирует им отработанное время.

Тот, кто защищает высокие зарплаты менеджеров, должен быть готов к тому, что станет очень непопулярным. Даже некоторые защитники капитализма критикуют чрезмерные зарплаты менеджеров, потому что, в конце концов, менеджеры не несут такого же высокого риска, как предприниматели. При этом часто упускается из виду, что именно по этой причине менеджеры зарабатывают гораздо меньше, чем предприниматели. Будучи владельцем малого и среднего бизнеса в Германии, я зарабатывал столько же, сколько член совета директоров одной из крупнейших немецких корпораций.

Однако выходные пособия оговариваются до того, как руководитель приступает к работе в компании. Они являются частью общего пакета заработной платы топ-менеджера. Конечно, позже может выясниться, что пакет был слишком щедрым, потому что менеджер работал не так хорошо, как все надеялись. Точно так же и зарплатный пакет менеджера может оказаться слишком низким, если в итоге он покажет очень высокие результаты – только можно быть уверенным, что об этом никогда не напишут в СМИ. Это похоже на элитных спортсменов, которые получают огромные трансферные гонорары, которые могут оказаться чрезмерными, если спортсмен выступает не так хорошо, как ожидалось. Эту мысль стоит повторить: когда компания нанимает топ-менеджера или команда подписывает контракт с лучшим спортсменом, нет никакой гарантии того, как они проявят себя в будущем. Их зарплаты основаны на прогнозах, а эти прогнозы основаны на прошлых результатах. Такие прогнозы могут быть правильными, но могут быть и ошибочными.

Если сравнивать то, что топ-менеджеры делают для своих компаний с точки зрения производительности/результативности, т. е. с точки зрения добавленной стоимости компании, то в среднем им не переплачивают, а недоплачивают, и это результат неопределенности. Это показывают результаты исследований, в которых изучалось, что происходит со стоимостью компании, когда генеральный директор неожиданно умирает или заболевает: стоимость компании падает⁶⁹. По словам Тайлера Коуэна, исследование показывает, что «генеральные директора получают только от 68 до 73 % стоимости, которую они приносят своим компаниям. Для сравнения, по одной из последних оценок, рабочим в целом платят в среднем не более 85 % предельного продукта... Другими словами, рабочим на самом деле недоплачивают несколько меньше, чем генеральным директорам, по крайней мере если оценивать их в процентах»⁷⁰.

Таким образом, основой для недовольства «социальным неравенством» или «социальной несправедливостью» является непонимание этих взаимосвязей. Кстати, весьма показательно, что многие люди используют оба термина как синонимы. Очевидно, что они купились на неубедительную идею о том, что справедливым может быть только равенство.

⁶⁸ Ibid., 157.

⁶⁹ Cowen, 54–55.

⁷⁰ Ibid., 55.

Сама концепция «справедливого распределения общественного богатства» вводит в заблуждение. Не существует богатства, произведенного «обществом»; скорее, богатство в обществе – это сумма того, что производят и чем обмениваются отдельные люди. Экономист Томас Соуэлл пишет: «Если бы действительно имелся некий уже существующий объем доходов или богатства, произведенный каким-то образом, – так сказать, манна небесная, – тогда, конечно, возник бы моральный вопрос о том, какую долю должен получить каждый член общества. Но богатство *производится*. Оно не просто *каким-то образом* существует»⁷¹.

Если Робинзон Крузо и Пятница живут на острове и Робинзон собирает семь тыкв, а Пятница – три, то нелепо говорить, что Робинзон получил или забрал 70 % богатства острова. «Если помнить, что богатство – это то, что индивиды *производят*, то нет причин считать, что экономическое равенство – это идеал, а экономическое неравенство – это то, что требует особого обоснования», – пишут Дон Уоткинс и Ярон Брук в книге «Равное несправедливо»⁷².

Кстати, даже Маркс критиковал других социалистов, выступавших за «справедливое распределение». Было «вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение»⁷³. Распределение в обществе, основанном на частной собственности, является при этом условии «единственным “справедливым” распределением на базе современного способа производства»⁷⁴, по словам Маркса. «Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного». С другой стороны, вульгарные социалисты, как их называл Маркс, рассматривают распределение как независимое от способа производства и поэтому представляют социализм так, как если бы он был главным образом вопросом распределения⁷⁵.

Кроме этого вопроса, сторонники эгалитаризма обычно считают само собой разумеющимся, что увеличение равенства автоматически делает людей счастливее. Но так ли это на самом деле? Американские социологи Джонатан Келли и Мэрайя Д. Р. Эванс из Международного центра опросов в г. Рино, штат Невада, изучили этот вопрос в ходе масштабного исследования. Их совокупность данных включала 169 репрезентативных выборок из 68 стран, в которых было опрошено 211 578 человек.

С одной стороны, в исследовании использовались традиционные вопросы из так называемых «исследований счастья». Респондентам был задан, например, такой вопрос: «С учетом всех обстоятельств, насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» – и было предложено оценить свою удовлетворенность по шкале от 1 (неудовлетворен) до 10 (удовлетворен). Кроме того, им задали следующий вопрос: «Если взять все вместе, могли бы вы сказать, что вы: Очень счастлив, Вполне счастлив, Не очень счастлив, Совсем не счастлив?»⁷⁶

Данные этих опросов анализировались в сочетании с данными о неравенстве доходов в каждой из исследуемых стран. Основой для измерения неравенства доходов является так называемый коэффициент Джини. Этот коэффициент, разработанный итальянским статистиком Коррадо Джини, измеряет долю доходов, получаемых различными группами населения, и то, насколько равномерно они распределены в обществе. Он равен нулю, если распределение равное, и единице, если один человек получает весь доход и, таким образом, существует максимально возможное неравенство.

⁷¹ Sowell, 50–51. Курсив в оригинале.

⁷² Watkins / Brook, Equal is Unfair, 10. Курсив в оригинале.

⁷³ Marx, Critique of the Gotha Programme, 20 <Маркс. Критика Готской программы, с. 20>.

⁷⁴ Ibid., 11. <Там же, 16>.

⁷⁵ Ibid., 21. <Там же, 20>.

⁷⁶ Kelley / Evans, 7.

С методической точки зрения исследование Келли и Эванса было весьма сложным, поскольку в своих расчетах все остальные факторы, которые в других случаях влияют на счастье (возраст, семейное положение, образование, доход, пол, ВВП на душу населения и т. д.), исследователи сделали постоянными. «Например, мы сравниваем человека, живущего в Израиле, с аналогичным человеком, получающим такой же доход, но живущим в Финляндии. Эти две страны имеют одинаковый ВВП на душу населения, но резко отличаются по уровню неравенства (0,36 против 0,26)»⁷⁷.

Кроме того, авторы также провели различие между развитыми обществами (в первую очередь США и европейские страны), с одной стороны, и развивающимися обществами (преимущественно в Африке и Азии) – с другой. В данное исследование не были включены только бывшие коммунистические страны, поскольку здесь действуют иные отношения (которые были проанализированы в отдельном исследовании).

Выводы исследования кристально ясны: неверно, что большее неравенство означает меньшее счастье – как хотели бы заставить нас поверить противники капитализма, – а как раз наоборот – большее неравенство означает, что люди счастливее: «В широком смысле, если объединить респондентов из развивающихся стран и из развитых стран вместе, не обращая внимания на важные различия между ними, большее неравенство связано с *большим* благосостоянием»⁷⁸.

При этом более детальный анализ выявил явные различия: в развивающихся обществах наблюдалась статистически четкая корреляция между счастьем и неравенством – большее неравенство означало большее счастье. Ученые объясняют это «фактором надежды»: люди в развивающихся странах часто воспринимают неравенство как стимул для улучшения собственного положения, например за счет повышения уровня образования. Некоторые группы населения успешно продвигаются по социальной лестнице и зарабатывают больше, а это, в свою очередь, подстегивает других.

⁷⁷ Ibid., 3.

⁷⁸ Ibid., 15. Курсив в оригинале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.